

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПОЧТЕННОЙ СЕНТЕНЦІИ.

М. Н. Садовскій: Поминальные разговоры.
Русскій Вѣстникъ, ноябрь.

I.

Есть сентенціи и афоризмы, которые идутъ изъ такой глубокой дали и такъ ерослись съ нашимъ обиходнымъ „мировоззрѣніемъ“, что, по привычкѣ къ нимъ, мы ихъ вовсе не касаемся, — не подвергаемъ ни сомнѣнію, ни даже обсужденію. Мы молчаливо слѣдуемъ имъ, потому что всё такъ дѣлаютъ. И лишь послѣ того, какъ какой-нибудь „дерзкій“, „новаторъ“ выскажется противъ нихъ открыто и рѣшительно, мы спрашиваемъ: а въ самомъ дѣлѣ, да почему же это такъ?

Таковъ, между прочимъ, и знаменитый латинскій афоризмъ: *de mortuis aut bene aut nihil*. О мертвыхъ или говори хорошо, или ужь лучше совсемъ ничего не говори. Это такъ давно и такъ часто всѣми, — со времени измыслившихъ этотъ высокогуманный афоризмъ Римлянъ, — повторялось, что стало уже какою-то священной заповѣдью, равно обязательною для всѣхъ и cadaго.

И вотъ находится „дерзкій“, который и этотъ стародавній афоризмъ подвергаетъ сомнѣнію, и притомъ ставить, относительно него, вопросъ, что называется, ребромъ. Это дѣлаетъ г. Садовскій, въ своемъ глубоко и серьезно задуманномъ, хотя и помѣченномъ не внушающимъ большихъ ожиданій заглавіемъ, литературномъ этюдѣ: *Поминальные разговоры*.

Умеръ нѣкій дѣйствительный статскій совѣтникъ, и его хоронятъ, какъ слѣдуетъ, все честь честью. И рѣчь

на могилѣ произносятся.

„Ты сдѣлалъ въ жизни все, чтобы въ сердцахъ осиротѣлыхъ друзей оставить по себѣ дорогую, незабвенную память. Ты не помнилъ о себѣ. Ты заботился только о томъ, чтобы твоему ближнему было хорошо. Помня завѣты писанія, ты былъ рѣдкимъ семьяниномъ. Всѣ свои силы ты посвящалъ на служеніе дорогому отечеству“ и т. д. и т. д. — все, какъ водится.

На поминальномъ обѣдѣ поддерживалось все то же умиленно-уважительное отношеніе къ покойному дѣйствительному статскому совѣтнику, и все тѣмъ же ораторомъ — братомъ второй жены, въ пользу которой покойнымъ оставлено все состояніе. Правда, проскальзывали вставки, — и со стороны самого оратора, и со стороны другихъ, — дававшія основанія предполагать и иное въ жизни покойнаго.

Но всё эти неосторожныя обмолвки общими усиліями поминальщиковъ приводились къ благополучному концу, такъ что не выходило ничего остраго, никакихъ осложненій.

Не такъ, однако, думали о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ, и не такъ относились къ нему иные изъ людей, близко его знавшихъ и съ нимъ соприкасавшихся, — демонстранты, которые, хотя и пріѣхали на похороны, но отъ поминальнаго обѣда благополучно ускользнули и по-своему поминали покойника въ *Мавританіи*.

Въ ожиданіи настоящаго аппетита, пріятели сидѣли въ аллеяхъ Петровскаго парка и вели на заданную похоронами тему разговоръ, совсемъ уже не въ томъ тонѣ, въ какомъ велъ свою надгробную рѣчь ораторъ.

„...Василій Сократовичъ (имя одного изъ этихъ демонстрантовъ) выдержалъ паузу, нѣсколько разъ затянулся, мрачно пошевелилъ бровями и продолжалъ:

„— Переходъ отъ бытія къ небытію — трагедія; не стало человѣческой души, и церковь молится объ ея упокоеніи; совершается трогательный обрядъ погребенія, вмѣстѣ съ кадиль-